

Домашние звали ее Люся. Коротко и нежно. Близкие друзья — вслед за домашними. Правда, иногда они восклицали — то ли иронично, то ли с досадой: «Ох уж эта Люся!» Пациенты и сотрудники уважительно называли ее Людмила Сергеевна. В обращении коллег чувствовалась дистанция, а в словах мамочек — заискивающее придыхание.

А вот бывшие подруги и завистники звали исключительно по фамилии, добавляя к ней уничижительное «эта» — «Эта Петрова». Зло судачили и мелко вредили. Но Люся была выше этих дрызг и искренне недоумевала: «Кто мне поцарапал машину?»

Кстати, о машине, как нарочно, приметного лимонного цвета и формы лопнувшего воздушного шарика. Появление авто у Люсиного подъезда вызвало нездоровое любопытство соседей и когда-то любимых подруг. Не желая видеть благополучное состояние Люсиной жизни, они зафонтанировали версиями.

Татьяна Булатова

Первая — любовник. Хотя на самом деле никакого любовника не было. А те, кто метил на его место, сами мечтали о подарках и самое большее, на что были способны, так это на мизерные вложения в аксессуары к автомобилю.

Версия вторая — ограбление пациентов. По совместительству Люся вела частную врачебную практику. И обыватели думали, что стоимость ее визита на дом не по силам среднестатистическому горожанину. Но тоже, между прочим, были не правы: брала наша докторесса по-божески. Пациенты это ценили и поэтому передавали Петрову друг другу, как драгоценную эстафетную палочку. На нее была очередь: в день порой одиннадцать-двенадцать вызовов.

Отсюда единственная объективная версия — производственная необходимость. Подчинившись ей, Люся взяла кредит, отчего количество посещений пациентов на дому резко возросло.

Враги с этим считаться не желали и сохраняли верность первым двум предположениям. Особенно воинственные, из числа бывших подруг, с нетерпением ждали появления желтой коробочки во дворе. И пока Люся обедала, они тайком расписывались на хрупких крыльшках китайского чуда техники, признаваясь тем самым в собственной зависти к той, которую раньше жалели и частенько звали к себе в гости. Вызывающей жалость она нравилась им куда больше. Люся об этом не задумывалась и в очередной раз гадала, откуда взялись уродливые следы на крыльях ее автомобиля.

Вообще, гадать она любила. Поэтому, невзирая на материалистический взгляд на мир, порой обращалась к целителям и астрологам. Делала Люся это виртуозно: отметала всю лишнюю информацию, оставляя только то, что ложилось на сердце.

— *Знаешь, — говорила она близкой подруге. — Я еще раз убедилась, что моя судьба — служить людям. Он (астролог) мне так и сказал: «Вы всегда будете принадлежать кому-то, поэтому пары для вас на этом свете нет и не предвидится».*

— *Если это все, то с таким же успехом вы могли поговорить и со мной. Я тоже знаю, и без обращения к звездам, что вы любите свое дело, а значит, себе не принадлежите, и поэтому ни один нормальный мужик терпеть вас не будет.*

— *Почему?*

— *Потому что терпеть будет некого — вы же все время в разъездах!*

— *Ты права, — не без пафоса соглашалась Петрова. Но иногда Люся взрывалась. И зрелище это было печальное: грустный ангел махал крыльями и оплакивал свою нелегкую жизнь:*

— *Слушай, они меня не ценят!*

«Они» — это дети. Объективно дети — это две дочери, субъективно — гораздо большее количество человек: бывший муж, проживающий с Люсей на одной жилплощади, зять, то работающий, то неработающий, а также внучка — несчастный ребенок-инвалид.

Татьяна Булатова

О дочерях говорить даже не приходится. Они воспринимали мать только как мать и точно знали, что без поддержки не останутся: деньги всегда при ней.

— Они что, глупые?! — вопрошала Люся. — Они что, не понимают? Если со мной что-нибудь случится, с чем они останутся? Я же не железная: у меня давление, я устаю...

— Конечно, глупые. Конечно, не понимают. Конечно, не ценят. Конечно, нужно перестать заниматься благотворительностью. Конечно, пора позаботиться о себе.

Услышав положительные ответы на волнующие вопросы, Петрова быстро успокаивалась и резко переходила к другой части разговора. При чем тема его не всегда совпадала с предыдущей.

Правду сказать, Люся жаловалась крайне редко, по большей части все свои тревоги и беды носила в себе, тщательно упаковав их в ячейку «повседневное». Это «повседневное» она отодвигала отработанным жестом, всю себя посвящая работе. Что-что, а работать Люся любила.

— Понимаешь, дело не в деньгах. Мне это нравится. Честно.

Подруга несколько не сомневалась, потому что неоднократно оказывалась свидетелем ситуаций, когда работой можно было бы и пренебречь, но Люся этого не делала. Телефон отключала максимум на час. Все остальное время аппарат работал в режиме правительственной связи: Люся откликалась на любой вызов.

Телефон в жизни этой занятой женщины играл огромную роль. По нему она принимала заявки на вызовы, заочно консультировала, уточняла назначения, успокаивала, рекомендовала... При этом Люся вела активную переписку, не только деловую, но и личную. Ее эсэмэс-послания летели в разные концы города, заочно связывая неожиданно большое количество людей, ни разу друг друга не видевших. К тому же в Люсином телефоне находилось место для фотографий дорогих ее сердцу родственников (дочки, внучка) и картинок отчетливо подросткового содержания: ангелы с крылышками, целующиеся в воде молодые люди, иллюстрированные анекдоты пикантного свойства и многое другое. Единственная слабость ее мобильного помощника заключалась в том, что он не всегда догадывался, какую фамилию из списка вывести на табло, чтобы ускорить контакт. Тогда Люся сердилась, нервно тыкала в кнопки и клялась купить второй телефон, чтобы окончательно разделить жизнь рабочую и личную.

Нервничать, конечно, было ни к чему. Все равно бы ничего не получилось. Еще и потому, что многие деловые контакты переходили в разряд окончательно и бесповоротно личных. Так случалось в ее жизни неоднократно, и так Люся обрела некоторых близких друзей.

В отличие от других врачей, она не боялась вступать с пациентами в человеческие отношения, чем изрядно усложняла себе жизнь. Друзей сложно лечить: они задают вопросы, забывают

Татьяна Булатова

про субординацию и начинают спорить. Другими словами, ведут себя недисциплинированно. Но Люся настолько ценила дружбу, что закрывала на это глаза и даже иногда покрикивала на особенно зарвавшихся, обещая отправить тех к узким специалистам. Обещание действовало на них как холодный душ. Друзья пугались и с дрожью в голосе спрашивали: «Что, настолько все плохо, что нужен узкий специалист?» Люся в дебаты не вступала, холодно отрезая: «Решайте сами». Пациент-друг на том конце провода обмирал, но процесс не доходил до логического конца, потому что Люся расстраивалась от собственной жесткости и звонила сама. В итоге — лечение возобновлялось.

Было среди друзей-пациентов несколько, находившихся на особом положении. Всех не упомянуть, но об одной сказать следует. Назовем эту особу младшей подругой. Сама Люся неоднократно говорила, что они с нею — из одного теста, несмотря на разницу в возрасте. Друг с другом подруги обсуждали вопросы самого разного свойства, в том числе интимного. Общение их было удивительно приятным и во всех отношениях выгодным: девочки поддерживали друг друга психологически, делились не только горем, но и радостью, не боялись признаваться в нелепых страхах и, как им казалось, в страшных грехах.

Именно этой подруге Люся рассказала о своем детстве, вспоминать о котором не любила. Всегда отводила взгляд и информацию выдавала скоро-

говоркой: мама ушла, папина семья, боюсь пьяных, ненавижу одиночество...

Родилась Петрова не в дворянской семье, это точно. Мама не просто ушла — исчезла в неизвестном направлении без следа. Кто была эта женщина по национальности, по профессии, по образу мыслей? Какая теперь разница! Главное, что все Люсины попытки отыскать ее заканчивались неудачей. Петрова объезжала один за другим шахтерские города, часами простаивала около киосков Горсправки, зажимала влажными ладонями бумажки с адресами, на попутках добиралась до окраин донбасских полукриминальных поселков, даже на «кукурузнике» летала в какое-то богом забытое место. Все тщетно.

В официальной биографии Петровой вопрос о происхождении освещался со слов мамы Лены, которую девочка до семи лет считала родной. В этой истории были все составляющие рассказов о найденных, известных человечеству по мифам и «мыльным операм». Звонок в дверь. За ней — никого. А на коврике — кулек с сопящим младенцем и запиской, приколотой булавкой к байковому одеяльцу.

Мама Лена самопальный документ не сохранила, но общий смысл помнила: «Самой мне девочку не поднять. Отец (любвеобильный Серега Петров) сможет о ней лучше позаботиться. Никаких претензий к усыновителям иметь не буду».

Так звучала заученная официальная версия. Но кроме нее существовала несанкционирован-

Татьяна Булатова

ная детская память, полная нечетких воспоминаний и размытых образов.

Маленькая Люся — в песочнице. Какая-то незнакомая женщина... В глазах ее — слезы, а в руках — шикарная по тем временам кукла... Пара секунд, и (о чудо!) кукла — в Люсиных руках, поэтому она даже не замечает, как незнакомка судорожно хватает и ощупывает ее испачканные песком пальчики, пытаясь что-то произнести дрожащими губами. Зато это замечает стоящая у окна Другая. Ее-то Люся и знает как настоящую маму. Это ее крик она слышит, и это ее руки отталкивают фею, приносящую детям подарки, вырывают нарядную куклу и бросают в огромную лужу. «Мама, зачем? Не надо! Отдай!» — истощенно кричит Люся. Захлебывается слезами. Тянется к кукле... А потом мир вокруг расплывается, и Люся, конечно, уже не видит, как вздрагивает чужая женщина от криков мамы Лены: «Тварь! Тварь! Ты же обещала! Ты обещала!» (Позже детский врач Людмила Сергеевна отметит, что именно с этого момента и началась ее тесная дружба с очками, без которых образ ее немислим в принципе. И правда, когда Петрова их снимала, все вокруг смущались. Казалось, она плачет.)

По законам жанра у Люси должна была включиться истерика или начаться заикание, на худой конец — подняться температура. Ничего подобного не произошло. Росла она, практически не боля, как-то незаметно и бесхлопотно. Может быть, поэтому родственники по отцов-

ской линии с такой готовностью брали девочку к себе погостить. Люся не требовала внимания, не озорничала, не плакала, не просила подарков. Девочка была и не была одновременно. Ростом не больше стола, в спустившихся колготках и задранным платье, в очках, она молчаливо стояла, прижав к себе куклу. Игрушка часто была раздетой, часто перевернутой вниз головой, часто неполной — без руки или ноги. Создавалось ощущение, что Люсе просто было важно примыкать хоть к кому-то. И даже когда тетя или дядя притягивали к себе девочку, она не выпускала из рук этот целлулоидный поплавок, удерживающий ее на поверхности жизни.

Гостить у отцовских родственников Люсе нравилось — там было тихо и, как ей казалось, богато. Но вспоминалось только одно: свисающая бахрама скатерти, сквозь которую виднелись разрезанные на тонкие вертикальные полоски куски обоев, ножки серванта, круглые теткинны колени и темнота коридора.

С темнотой у Петровой сложились особые отношения. Темнота поглотила ее раннее, дотрехлетнее, детство. Оно так и осталось лежать в холодной кровати, дрожать и поскуливать. Из-под двери — полоска света, приглушенные голоса, иногда даже хихиканье. Детство зовет, чтобы кто-то был рядом, чтобы не так страшно и одиноко. Детство никто не слышит. Ночь. За окном — луна. Ветви дерева качаются — по потолку причудливые тени.

Татьяна Булатова

— *Никогда не хотела бы иметь квартиру на первых трех этажах.*

— *Почему?*

— *Деревья за окнами.*

— *Ну и что деревья?*

— *Не люблю...*

«Не люблю» — это ни о чем. Отговорка. Как объяснить подруге, что деревья за ночным окном — это ужас, переживаемый в одиночестве. Нет, это само одиночество, протягивающее к тебе узловатые пальцы-крючки. Взрослая Люся панически боялась незашторенных окон и твердо верила, что *«нельзя оставлять детей одних в темной комнате, пока не уснули»*. И правда, со своими сидела до того самого момента, пока не услышит их мерное сопение.

Если родственники отца Люсю жаловали (потому что Серегина, родная), то о родственниках мамы Лены такого сказать было нельзя (Петровская, чужая). За праздничным столом обносили девочку лучшим куском, хлопали по ручке, чтобы не тянулась к вкусному («и так своим не хватает»), с легкостью отталкивали и зло осматривали. Сама Лена падчерицу защищала: у них была общая фамилия Петровы, общий быт и общий интерес к мужчине. Обе женщины его боялись. Одна — что бросит. Другая — что убьет.

Небезызвестный Серега Петров обладал сильной половой конституцией, мощным инстинктом размножения, необузданным темперамен-

том, алкоголизмом и всеми замашками разбойника с большой дороги. Нет, старший Петров не был уголовником. Он был шахтером, выдвигенцем, прошедшим путь от рабочего в забое до начальника смены, а потом и участка. Последняя должность одарила его собственной квартирой, переездом в крупный шахтерский центр и огромными, как казалось его товарищам, деньжищами. Чего греха таить? Деньги действительно были небольшие. Но какие-то несчастливые это были деньги, для многочисленных Серегиных семейств — горькие и безрадостные.

Не был Серега Петров и обыкновенным ловцом женских сердец, таким донбасским Казановой. Все его отношения с женщинами строились всерьез и надолго и основывались на мощнейшей идейной мотивации: «Должна от меня родить». И ведь рожали. А потом Серега уходил к другой. Как правило, доживающей последние дни в браке или разведенной. Вили гнездо. В нем, кстати, находилось место и для птенцов прежних пометов. Петров брал детей на содержание, кормил досыта, но и гонял беспощадно. Между приемами пищи и разборками с прежними возлюбленными творилась любовь с новой избранницей. В результате обозначалась беременность, и мечтающий об очередном отцовстве Серега какое-то время считал себя совершенно счастливым. Счастье длилось недолго, с момента рождения ребенка года три, максимум пять. А потом Петров начинал скучать, впадал в очередной брачный пе-

Татьяна Булатова

риод и под девизом «Она должна от меня родить» начинал вить новое гнездо.

Мама Лена, хотя и имела трех детей от первого брака, родить от Петрова не сумела. Утрату интереса к себе она почувствовала давно, догадывалась и об изменах Сергея, но к Люсе продолжала относиться по-прежнему ласково. «Эта девочка — ключ к сердцу Сереги», — думала она. Ошибалась. Пробовала шантаж: мол, расскажу всю правду о том, что не мать ей, что настоящая ее бросила. Тоже просчиталась. Петров выслушал жену и отмахнулся, как от назойливой мухи: «Рассказывай». И ведь рассказала. Накануне суда.

Люся стояла перед Леной навытяжку. Все в тех же пузырчатых на коленках колготках, все в тех же уродливых очках, все с той же прижатой вниз башкой целлулоидной куклой.

— Выбирай, с кем останешься?

— С вами. — Девочка автоматически перешла на «вы». — Вы же моя мама.

Лена возликовала: «Вернется! К дочери вернется!» Снова просчиталась. Петров не просто не вернулся, даже не оглянулся, так как был озабочен созданием очередного гнезда, но Люсю не простил и поминал ее всякий раз как предательницу.

У девочки же имелся свой расчет: жизнь без отца — это жизнь в безопасности. Понятно почему: пил Серега Петров по-черному, до озверения, в алкогольном чаду ничего не соображал. Единственное, что дисциплинировало нетрезво-

го начальника участка, так это его спящие дети. Увидев их, Петров тормозил, словно зависнув в воздухе, разворачивался около детской кровати на сто восемьдесят градусов и, с трудом балансируя, пробирался к двери. Однако стоило ее прикрыть, как он оживал, встряхивал головой, как норовистый конь, и зычно кричал в сторону кухни: «Сссуука!»

Дети знали эту отцовскую особенность и пользовались ею всякий раз, как только это было возможно. Для этого необходимо было помнить наизусть даты получки и всех праздников, как советских, так и православных. А еще существовало правило: никогда и ни при каких обстоятельствах не покидать наблюдательный пункт, куда поступали данные о реальном состоянии Сереги Петрова. Для этого использовалось кухонное окно, выходящее на парк, из которого по направлению к дому выныривало все мужское население двора.

Мама Лена, Люся и остальные дети пристально вглядывались в походку Петрова, отмечая каждый нюанс. Только так можно было составить точное представление и выбрать нужную тактику.

Если Серегу просто штормило и траектория движений не напоминала ломаную, использовался план «А». Дети — в кроватях, мать — на кухне. Но если Петрова бросало из стороны в сторону, в действие вступал план «Б», завершавшийся «полнейшей капитуляцией перед лицом врага». Семья организованно покидала квартиру, рассредото-

Татьяна Булатова

чиваясь по подъезду: кто — к соседям, кто — на чердак и по нему в соседний подъезд, кто — под лестницу. Могло не повезти только в одном случае. Нет, в двух. Петров либо проскальзывал незамеченным (такое тоже бывало), либо у соседей случались свои святки (примерно с той же периодичностью, что и в семье начальника участка). Тогда наступало время «Ч», для которого существовала своя методическая разработка. В соответствии с ней на первое место выдвигались такие навыки, как сноровка, реакция и быстрота движений. Участникам операции приходилось рассчитывать только на себя и немножечко на судьбу: если уж пришибет, то, может, не до смерти и не всех.

Разве непонятен теперь Люсин выбор? Жизнь без отца рисовалась ей удивительно спокойной, безопасной и приятной. Откуда было знать глупой девочке, что родители — это навсегда? Серега Петров сжимал кулак, встряхивал головой и рычал сквозь зубы: «Я своих детей не бросаю. И Людку не брошу, хоть она меня и продала». Сколько раз маленькая Петрова мечтала об обратном: чтобы бросил, чтобы забыл, чтобы исчез. Куда там! Нависал над нею скалой, источающей запах перегара, и шипел в маленькое ушко: «Ты мне всю жизнь сломала. Связала по рукам и ногам. Продала меня за здорово живешь. Змея подколотная...»

Люся сжималась. Втягивала голову в плечи. Задерживала дыхание и замирала. Она готова

была умереть. Здесь, сразу, на месте. Лишь бы не слышать этот громовой шепот огнедышащего чудовища. Но у Бога на то были свои планы. Петров встряхивал дочь за плечи, подпускал матерку и, тяжело ступая, выходил из комнаты. А девочка еще долго сидела на раскаленном стуле, уставившись в одну точку. И только сползавшие с носа очки в очередной раз возвращали ее к жизни. Люся их поправляла и начинала дышать.

Стоит ли говорить, что находиться у бабушки по отцовской линии она не любила? Но иногда это бывало полезно. В ее квартире Люся узнавала новости не только о жизни шахтерского городка, но и о личной жизни собственного отца. Разведясь с Леной, Петров свил гнездо с пылкой блондинкой, под опекой которой проживала младшая сестра шестнадцати лет от роду. Свояченица приняла свояка с распростертыми объятиями: страстно и с удовольствием. Серега не сопротивлялся — в его жизни еще не было ситуации, когда работа над продолжением рода длилась почти круглые сутки. Блондинка и ее сестра трудились по сменам, правда до определенного момента: пока утомленные чужой страстью соседи не раскрыли глаза ни о чем не подозревавшей женщине. Возмущению обманутой жены не было предела. Запахло уголовным делом, и Серега приуныл. Он-то прекрасно понимал, что может быть привлечен по статье за растление малолетних, и неважно, что несовершеннолетняя Ло-

Татьяна Булатова

лита к моменту встречи с ним уже бесповоротно утратила девственность. Что ж, за счастье нужно платить.

Петров приходил к матери трезвым. Плотно закрывал дверь в комнату («чтоб Людка не слыжала») и шепотом рассказывал родительнице о ходе переговоров с негодующей блондинкой. Та жаждала мести, а Серега — свободы. Казалось, конца истории не будет. Счастливого, разумеется, конца. Но в один прекрасный день Люся, вернувшись из школы, застала картину, от которой ее перекосило: на пятиметровой кухне всхлипывала, причитая, бабка и утирала засаленными концами платка мутные слезы в уголках глаз. «Слава богу! Слава богу, Сереженька». А Сереженька сжимал в шахтерском кулаке стакан и кивал, словно конь перед стойлом: «Да уж, мать. Пронесло».

Не веря в удачу, Петров заторопился покинуть вверенный ему участок: с глаз — долой, из сердца — вон. И Люся возрадовалась, понадеявшись, что теперь у нее начнется новая жизнь. И правда, с отцом-бродягой Петрова встретится еще только один раз. Последний. И эту встречу Люся запомнит на всю жизнь.

Мама Лена играла свадьбу — женился один из ее сыновей. Какой черт принес в неурочный час Серегу Петрова, уже никто и не вспомнит. В числе приглашенных его, конечно, не было. В ненавистное место Серегу привело явно не желание поучаствовать в торжественном событии. Хмельной, лохматый, он сидел на шатающемся табуре-

те в материнской кухне и слушал городские новости.

— Женится, значит? — лениво переспрашивал он, наблюдая за сборами дочери. Та оглаживала на себе белое платье с дешевым лакированным поясом и топала в пол каблучками. — А ты, Людка, куда? — так же спокойно Серега обратился к прихорашивающейся у зеркала девушке. — На свадьбу? — переспросил, не дожидаясь ответа. — Нехер тебе там делать! Сиди дома.

Бабка вступилась:

— Да ты что это, Сереженька? Чай брат, не чужой человек. Пусть ходит.

— Сказал — сиди дома.

Глаза Петрова остекленели, лицо знакомо перекосило, а из сжатого кулака, казалось, вытечет сейчас то, что несколько секунд назад еще именовалось стаканом.

Люся шмыгнула в комнату, накинула крючок и заметалась. Платье, туфли, прическа... Она бросилась к окну, благо этаж был первый, толкнула раму и прыгнула, не побоявшись полутора метров!

И как же хороша была свадьба! Веселая, праздничная! Музыка дразнила, звала в пляс, кружила в танце, не отпускала ни на минуту. Петрова была счастлива: в девчоночьей стайке она почти героиня, потому что это *ее* брат женится. И Люся забыла о печалях и смело отдалась радости, пока ее не ожег прокатившийся по гостям шепот:

— Слыхали? Серега Петров приехал.

Татьяна Булатова

— Серега?!

— Серега. Теперь жди беды. Явится.

Люся дожидаться отца не стала: выпорхнула в ночь, рванула к дому, как-то сумела подтянуться на руках и влезла в окно. Нет, чтобы к двери подойти, пальчиком крючок потрогать! Глядишь, и поняла бы, что тайна ее открыта. Но счастье слепо, а девичье — особенно.

Люся, не раздеваясь, юркнула под одеяло и замерла. Ждать долго не пришлось. Командор Петров тяжело двигался по коридору, противореча всем законам физики. Мертвецки пьяное тело должно было лежать, а оно почему-то находилось в вертикальном положении и даже кое-что умудрялось осознавать: например, маршрут и его конечную цель.

Толкнув дверь, Серега удержался в проеме и двинулся к дочери. Но, видимо, время, когда при виде спящего потомства Петров размякал и ронял слезу, прошло безвозвратно. Нависнув над кроватью, он секунду подумал, а потом резким движением сдернул одеяло. Вид нарядного платья привел Серегу в ярость: железными пальцами он хватал столь дорогие Люсиному сердцу оборки и что есть силы драл их, приговаривая: «Спишь, сука?! Спишь? Я кому сказал — сиди дома. Я сказал — сиди...»

Люся вскочила, попыталась собрать на груди лоскуты и, уворачиваясь от отцовских затрепшин, понеслась в ванную. Запершись изнутри, она заметалась взглядом по стенам: где гвоздь?

Где гвоздь? И бельевая веревка уже в руках, и терять больше нечего! Ну где этот гвоздь?

Дверь содрогалась от тяжелых ударов, а Люся сидела на краю ванной и тихо скулила: «Где-е-е гвоздь?» В висках стучало, уши словно заложило ватой, сквозь которую вопли («Людка, сука, открой! Отцу открой!») не попадали внутрь. Очнулась девочка через какое-то время от бабкиных причитаний за дверью: «Открой, Людочка, открой. Спит отец. Открой, Людочка». Петрова встала, откинула шпингалет, перешагнула через страшно храпевшего Серегу и на подкашивающихся ногах двинулась в свою комнату. Бабка — за ней. Не успела: Люся хлопнула дверь.

Больше у бабушки она не была, отца не видела и до своего отъезда из города жила у мамы Лены.

Именно там Петрова стала приглядываться к себе и строить планы на будущее. Она точно знала, что навсегда уедет из города, а потому резко пересмотрела отношение к школе.

Став матерью, Люся почти ничего не могла рассказать своим девочкам о школьных годах. Вместо изображения начальной школы память подсовывала «слайды», изображавшие луга, поросшие одуванчиками, — бескрайние и пушистые. Подумать только, за любовь к природе Петрова расплатилась абсолютно здоровыми гландами! Дело в том, что Люся, которой легко давалась любая наука, отчаянно прогуливала школу. При чем с класса первого, не позже. Смышленная девочка выработала собственное расписание заня-

Татьяна Булатова

тий. Календарно оно было рассчитано на вторую половину октября, тоскливую донбасскую зиму и раннюю весну до середины апреля. Все остальное время Петрова школу не посещала, с легкостью добывая справки от участкового педиатра. С жалобами на воспаленное горло прогульщица явно переборщила и загремела под нож. Вот тогда, после удаления миндалин, Петрова и узнала, что это такое, больное горло.

В том, что школьные учителя не заподозрили Люсю в хронической симуляции, не было ничего странного. Во-первых, в школе Петрова демонстрировала полную адекватность: считала, писала, решала уравнения, излагала параграфы, строила английские фразы, строчила простыни на уроках труда и при этом *никогда* не нарушала дисциплину. Для шахтерского городка это была большая редкость: младшее поколение добытчиков угля являло собой стихийную вольницу, тоскующую по тяжелой длани Пугачева и Разина. Школьные педагоги харизмой знаменитых разбойников не обладали, поэтому периодически слышали у себя за спиной довольно громкое: «До пошшел (пошш-ла) ты...» Угрозы на подрастающее поколение абсолютно не действовали: исключения из храма науки они не боялись, а требование привести родителей в школу спокойно пропускали мимо ушей. Матери — некогда, а отец — в забое: дает стране угля. На дом же учителя ходили с неохотой и опаской: угостить могли не только «чем богаты». Опять же дни по-

лучки, советских и досоветских праздников омрачать было неприлично: рабочий класс — он тоже Человек!

Во-вторых, Люсю не трогали еще и потому, что та обладала привилегированным положением. Серега Петров как начальник участка подходил под определение «уважаемые люди нашего города», а в семьях «уважаемых людей нашего города» не могло быть безответственности, злоупотреблений и дисциплинарных нарушений. Так сказать, партийно-профсоюзная этика была не чужда и преподавательским кадрам.

И наконец, в-третьих, классная руководительница Петровой прекрасно понимала, что ее визит в семью «уважаемого человека нашего города» закончится жесточайшим рукоприкладством. От него девочку не спасет ни вмешательство мамы Лены, ни беготня по соседям. Разве она сама не прятала зареванную, в запотевших очках Люсю у себя дома, пользуясь учительским, правда относительным, суверенитетом? Поэтому и молчала, вкладывая в журнал медицинские справки по отсутствующему заболеванию.

В общем, Петрова наслаждалась покоем, бродя по лугам, покрытым первоцветами. Часами она могла наблюдать за кипевшей вокруг суетливой жизнью насекомых и не бояться одиночества. Люся замирала в пространстве, забывала поправлять сползавшие на нос очки и слушала, слушала. Окликни ее в тот момент, не повернула бы головы — звуки человеческого мира не доходили до ее

Татьяна Булатова

ушей. И сама девочка была настроена на другую волну. Уставившись в одну точку, Петрова теряла четкость, резкость видения окружающего мира — все расплывалось цветными пятнами, и душа отлетала ввысь. Устав от счастья, Люся возвращалась на землю и, не забывая посетить детскую поликлинику, двигалась к дому.

Там ее ожидали не только сводные родственники, но и многочисленные соседи.

— Люся, посидишь? Я на часок-другой.

— Люся, накорми его...

— Люсь, вечером побудешь?

Люсь, Люсь, Люсь, Люсь... Люся не отказывала никому. Сидела с больным соседским мальчиком, кормила живших с ней на одной лестничной клетке близнецов, гуляла с толстыми карапузами и вечеряла с грудными младенцами. На вопрос «зачем» отвечала бесхитростно:

— Я была им нужна. Они меня любили.

«Какого черта?! — хотелось крикнуть младшей подруге. — Они тобою пользовались!»

— Да, родители пользовались, но дети-то любили.

Наверное. Просто Люся нашла точку примыкания к миру себе подобных. И подобные ценили бесплатную няньку не только за ее готовность прийти на помощь, но и за умение держать язык за зубами. Последнее качество дорогого стоило. Каких только сумасшедших тайн невольно не касались Люсины ручки! Какие только формы человеческой низости не отражались в вы-

пуклых стеклах ее очков! Отражались и отлетали прочь.

Вокруг Петровой разыгрывались семейные драмы: муж спал с соседкой, жена — с ее сыном, девочки теряли невинность, даже не успев дожидаться прихода первых месячных, мальчики спивались в дворовой беседке. Измены, предательства, зависть, приходы участкового, вызов реанимации к вынутаю из петли, отравившемуся денатуратом, драки, порой и убийства. В сопровождающих документах указывали: «На бытовой почве». Вот такое житейское море плескалось у края маленького островка, на котором окруженная толстыми карапузами стояла Люся Петрова, уже фактически в белом халате, с которого скатывались мутные капли.

Выбор профессии оказался легким делом. Сфера приложения — дети. Направление — педагогика или медицина. Город — любой. Точнее, тот, на билет до которого хватит денег.

Петрова взялась за ум, поставила крест на лугах, полях и речках шахтерского края, засела за книжки и блестяще окончила ненавистную школу.

Опомнилась в очереди за железнодорожными билетами и, тщательно изучив с подругой расписание проходящих поездов, висевшее над головой, решила: «Пусть будет Одесса».

Поезд, на котором две беглянки прорывались в новую жизнь, тянулся на удивление медленно. За окнами плавно проплывали деревеньки, поля,

Татьяна Булатова

бесконечные перроны. Над землей поднимались пыльные волны. Пыль проникала всюду: в открытые окна вагона, в жующие рты, в слезящиеся от жаркого солнца глаза.

Народ скучал, обливался потом и раздражался. В вагоне стоял тяжелый запах хлорки, которой веселые проводницы щедро посыпали места общего пользования. К стойкому сангигиеническому аромату примешивался запах дешевого табака и невымытого тела. Но Люсе это не мешало. Запахи она не чувствовала давно. Шахтерские поселки и города — территория, заселенная аллергиками. И нос Петровой, на котором восседали периодически соскальзывающие очки, нашел свой способ борьбы с глобальным бедствием — отказался воспринимать все запахи, способные вызвать извержение аллергического гейзера. Из всех внешних раздражителей Люсе досаждала только пыль, от которой начиналось слезотечение, бороться с которым было бесполезно. Поэтому Петрова время от времени снимала очки и краешком клетчатого платочка протирала уголки глаз. Завидев в конце вагона согнувшуюся в поясище проводницу, Люся просто смыкала веки и подсматривала за процессом уборки. Махрящейся на конце толстой палкой, в далеком прошлом соломенным веником, проводница тыкала в жестяное ведро, полное грязной воды, а потом щедро кропила пол вагона, добиваясь невиданной в это жаркое время свежести. Свежесть не наступала, зато пыль уплотнялась и скатывалась на полу микроскопическими комочками.

Подруга Валя — полная дебелая девушка — периодически постанывала и, подобно изнемогающему на плите чайнику, со свистом выдувала из себя пар. Тощая Петрова смотрела на нее с сочувствием, но молча: ни о чем другом, кроме проклятой духоты, Валентина говорить не могла. Она то ложилась на влажную постель, то поднималась, то обмахивалась свернутой веером газетой, то обтирала себя серым вафельным полотенцем.

— Прекрати пить воду, — со знанием дела посоветовала ей Люся.

— Не могу. Жарко...

— Жарко, Валя, всем, — как смогла, успокоила подругу Петрова.

Но в ответ та ничего не сказала, рассеянно посмотрела на Люсю и повалилась на полку. Первой на ее падение отреагировала проводница, остановившаяся в проходе со своим кропилком:

— Обморок, что ли? (Петрова вытаращила на проводницу глаза.) Ну точно, обморок. Давай, делай что-нибудь.

— А что делать? — растерялась Люся. — Я же не доктор.

— Доктор не доктор... Водой хотя б сбрызни.

Петрова бросилась со стаканом к окошечку с питьевой водой, но напрасно. Воды в никелированном кранике не было ни капли.

— В туалете налей, — тут же посоветовали Люсе столпившиеся возле потерявшей сознание Валентины пассажиры, которых тщетно пыталась отогнать суровая проводница.

Татьяна Булатова

— Отойдите, — давила она грудью любопытных. — Кому сказала? И так духота страшная, дышать нечем.

Холодной воды, кстати, не нашлось и в умывальнике. В запасе у Петровой оставался только титан с кипятком. И Люся не растерялась — нацедила полстакана и начала пробираться с ним сквозь галдящую толпу.

— Обваришь, дура! — захохотала грозная проводница и преградила Петровой путь.

— Холодной не было, — начала оправдываться Люся, — только кипяток. Подождем — пусть остынет.

— Пока он стынет, твоя подруга остынет, — неожиданно зарифмовала проводница и, прищурившись, посмотрела на стоявшее между ног ведро с грязной водой.

Петрова перехватила взгляд и возмутилась:

— Она же грязная, вы ею пол мыли!

— Зато прохладная, — развеселилась тетка, а Люся чуть не заплакала от отчаяния.

— Может, в вагоне есть врач? — с надеждой обратилась она к пассажирам.

— Я врач, — выступил вперед усатый дядька. — Ветеринар.

Петрова взмолилась:

— Помогите, пожалуйста! Вот этой девушке. — Она ткнула пальцем в сторону лежавшей на полке Валентины.

— Как вы себя чувствуете, девушка? — без промедления начал оказывать помощь Айболит,

и Петрова не поверила своим глазам: Валя смотрела на склонившегося над ней мужика и почти беззвучно шевелила губами.

— Как вы себя чувствуете, девушка? — повторил усатый ветеринар.

— Хорошо.

Айболит пощупал пульс и со знанием дела констатировал:

— Нитевидный.

— Нитевидный? — тревожно переспросила Люся.

— Шас еще пощупаю, — пообещал спасатель и приступил к делу.

Сначала, по его представлениям, пульс обозначился на внешней стороне роскошного бедра, потом — под круглой коленкой, потом — около полной щиколотки. Валентина с изумлением смотрела на ветеринара. Петрова — на его руки. И только повывавшая всякое проводница уверенно вмешалась в процесс осмотра:

— Эй, мужик! Девка — не лошадь. Руки-то не распускай!

— Жить будет, — весело произнес застигнутый на месте преступления Айболит и, вытерев руки о штаны, подмигнул мужикам. Те, переглянувшись, зареготали, а женщины укоризненно зашикали.

— А ну разойдись! — скомандовала проводница и замахнулась на зевак бывшим веником. — Пол домыть надо — скоро станция.

Перегнулась в поясище и двинулась к началу вагона.

Татьяна Булатова

Поезд медленно подъезжал к станции со звучным названием «Свистелько».

Петрова перенервничала. На какое-то время силы ее, похоже, оставили. Зато Валентина ожидала на глазах: она уже не просто сидела, опершись на подушку, но и с интересом вглядывалась в станционный антураж и вслушивалась в голоса привокзальных торговков.

— Картошечка! Картошечка горяченькая! Картошечка с укропчиком! Пиво! Лимонад! Лимонад! Пиво! Рыбка сушеная! Рыбка вяленая!

— Люсь, я есть хочу.

Петрова, прикрыв глаза, отмахнулась. И Валя, понимая, что поезд на станции Свистелько не будет стоять бесконечно, разволновалась, потому что представила голодные перспективы дальнейшего пути в город счастья по железной дороге.

— Может, выйдешь на перрон, купишь что-нибудь? — с надеждой спросила она Люсю, но натолкнулась на глухое сопротивление: Петрова тоже умела быть твердой.

По тону напарницы воскресшая из обморока Валя поняла: еды не будет. И с этого момента решила рассчитывать только на себя. Продумывая план мести равнодушной Люське, она внимательно следила за движущимися за окнами вагона пассажирами, прикидывая, кого позвать на помощь.

— Валь, успокойся уже! — рассекретила ее Люся. — Скоро уже тронемся.

— Не могу: есть хочется.

— Кому это есть хочется? — В проходе остановился Валин спаситель и плотоядно уставился на недавнюю пациентку.

— Мне хочется. — Лицо Валентины приобрело томное выражение.

— Ничего ей не хочется, — запротестовала Петрова.

— Как это не хочется?! — возопила пышнотелая Валечка, поверившая, что спасение — вот оно, рядом, только руку протяни.

Люся стойко держала оборону:

— Проходите, проходите, мужчина.

— Па-ра-ха-ди, слушай, — зарокотали в проходе. — Па-ра-ха-ди, да?

Усатого Айболита вежливо сдвигали в сторону два лица кавказской национальности.

— Дэвачки! — ласково в растяжку пропела кепка. — Дисятое мэсто здэс?

Вторая кепка добавила:

— И дэвэнадцатое?

Петрова уточнила:

— Двенадцатое? (Кепка утвердительно кивнула.) Двенадцатое здесь.

— А, слушай, харашо. Дэвачки с нами едут, — весело сообщила большая кепка той, что поменьше.

— Харашо будим ехать, вэсело, — разулыбался младший кавказский брат.

— Арех любишь, да? Курага любишь?

— Спасибо, мы не голодны, — вежливо ответила Люся и многозначительно уставилась на Валу.

Татьяна Булатова

— Слушай, я нэ тэбя спрашиваю. Я ее спрашиваю, — гортанно расставила все по местам большая кепка.

— Меня? — зарделась Валентина.

— Тэбя. Как тэбя завут?

— Валя, — пискнула та и приосанилась. План мести реализовывался сам собой. Зловредная Люська была повержена!

— Слушай, ачки сними, а? — Кепка, что поменьше, постучала кривым пальцем по плечу отвернувшейся к окну Петровой.

— Зачем? — строго переспросила Люся.

— Пасматреть.

— Нечего на меня смотреть, — насупилась Петрова.

— И правильно! — неожиданно вступила в разговор непонятно откуда выросшая в проходе проводница.

От звука ее голоса большая кепка, склонившаяся над Валей, вздрогнула:

— Вай, Галичка, эта ты?

— Я, Зоник, я, дорогой.

Смуглый Зоник заметно побледнел и подобострастно зарокотал:

— Арех возьми детям. Курага возьми.

— Давай, Зоник. Клади тут свой арех, свой курага, — передразнила кавказца Галичка.

— Зачем тут, а? — не снижал обороты Зоник. — К тэбе пайдем. Пайдем, да?

Проводница не удостоила его ответом и двинулась хозяйкой по вагону, призывая новых пас-

сажиров приготовить билеты и деньги за белье. Ее голос после горного клекота показался Петровой просто песней. Наступила Люсиная очередь победоносно смотреть на подругу и мысленно хлопать в ладоши.

Зоник заметно нервничал, даже кепку снял. Гортанно обращаясь к залезшему на свое место спутнику, стучал ладонью по дерматиновой полке и кивал в сторону прохода. Спутник слушал внимательно, но взгляд его был прикован к запахнувшемуся халату Валентины. Та отвернулась, делая вид, что ее нисколько не интересует происходящее, и обернулась к Петровой, только когда Зоник, натянув кепку, метнулся в сторону бойкого говора проводницы.

Люся подняла голову и спросила у соседа сверху:

— Вы с ней знакомы?

— Ани знакомы. Эта иво жэнщина.

— Жена? — переспросила уже Валентина.

— Нэт, жэнщина. А ты хочешь быть мая жэнщина?

Валя набралась мужества и отрезала:

— Не хочу.

Петрова закатила глаза и вздохнула. Ей стало страшно оставаться ночью рядом с этим, как ей показалось, головорезом.

— Валь, — прошептала она, нагнувшись к подруге. — Ты не боишься?

— Кого? — непонимающе зашипела Валентина.

Татьяна Булатова

— Ну его, этого. — Люся кивнула в сторону верхней полки.

— Вообще-то побаиваюсь, — призналась Валечка. — Может, того мужика позовем?

— Какого еще мужика? — Петровой явно не понравилось предложение подруги. — Ветеринара, что ли?

— Нэ нада вэтэрэнара, — неожиданно заклекотал сверху горец. — Адни даэдим.

Девочки переглянулись.

— Вы не поняли, этот мужчина едет с нами, — отчаянно начала врать Люся.

— И я с вами, — гоготнул собеседник.

— Если вы будете к нам приставать, я буду вынуждена обратиться к начальнику поезда, — пригрозила Петрова.

— Зачем к начальнику? К тэбэ нэ буду.

— А к ней? — Люся кивнула в сторону Вали.

— А к нэй не магу. Ана мэня нэ хочет, — с горечью изрек кавказец и отвернулся лицом к стене. — И я гордый.

После этих слов Петровой стало неловко. Стало жалко лежавшего наверху человека, оставшегося без поддержки Зоника, без симпатии Вали... И как только это произошло, Люся тут же почувствовала себя в безопасности. Страх отступил, и она заснула.

Проснулась Петрова от резкого толчка. В окно купе тянуло утренней свежестью, стало зябко. Люся потянула сбитую в ногах простыню на себя, укрылась, но сна уже не было ни в одном гла-

зу. Рядом посвистывала раскрывшаяся Валечка, бесстыдно обнажив белые бедра, наверху, свернувшись калачиком, хрипло выдувал воздух отвергнутый.

Петрова вытащила из-под подушки очки, водрузила их на нос и села. Сквозь окно проникал тусклый свет. Поезд стоял среди равнины, по травмам которой стелился клочкообразный молочный туман. Похоже, встреча с Одессой откладывалась на неопределенное время. Люся взглянула на часы и заулыбалась: с циферблата ей подмигивали крошечные стрелочки. Ровно пять.

Почувствовав позыв в туалет, она встала, сдернула с крючка серое вафельное полотенце и вышла в проход, залитый все тем же молочным светом. Вагон спал изо всей своей человеческой силы: храпел сложными руладами, художественно свистел разными коленцами, постанывал и что-то бормотал.

Дверь в купе проводницы была открыта — так, видимо, хозяйка вагона боролась с изнуряющей духотой. Петрова увидела Зоника, уронившего свою плешивую местами голову на впечатляющую грудь подруги. Инстинктивно Люся посмотрела туда, где по определению должна была находиться ее собственная грудь, и, не найдя, вернулась к созерцанию. Голубая майка выгодно подчеркивала смуглость и рельефность тела, сплошь покрытого черными волосами. Зоник был в семейных трусах.

Татьяна Булатова

Люся смутилась, отвела взгляд от худых волосатых ног и уловила едва заметное шевеление. Сквозь полуприкрытые веки на нее смотрела проводница.

— Ты чего? — почти беззвучно прошептала она. Петрова поняла вопрос больше по движению губ, чем на слух.

— В ту-а-лет, — четко проговорила Люся.

— Ключ возьми. — Проводница скосила глаза на металлический столик.

Петрова зашла в купе на цыпочках и крайне осторожно, чтобы не звякнул, взяла ключ.

— Сюда положить?

— У себя оставь, — прошелестела проводница и добавила: — Дверь только не закрывай.

Люся с готовностью схватилась за металлическую ручку и сдвинула дверь в сторону.

— Не эту, — прошипела хозяйка вагона. — В туалете. Эту — закрой.

Что ж, Петрова была не просто послушной, но и сообразительной. Медленно, чтобы не греметь, она закрыла дверь в купе проводников и прочитала в металлической рамке: «Галина Семеновна Суконь».

Позже Галина Семеновна Суконь металась в полной железнодорожной амуниции по вагону и будила разоспавшихся пассажиров зычными командами:

— Падь-ем! Встаем! Одесса через два часа. Через час закрою туалеты. Вста-ем! Падь-ем! Белье сдаем!

В туалет уже выстроилась очередь, в воздухе плавала белая взвесь, выбиваемая пассажирами из наволочек и подушек: пух, мелкие перышки, вековая пыль. Петрова потеряла глаза и начала будить подругу, предупреждая, что скоро закроют туалет.

Как из-под земли, рядом выросла проводница и, подмигнув Люсе словно сообщнице, попросила ключ.

Петрова отогнула край салфетки, лежавшей на столе, и извлекла из-под нее металлическую загогулину.

— Спасибо, — поблагодарила ее Галина Семеновна Суконь и отправилась в противоположный конец вагона.

Ожидавшаяся через два часа Одесса все равно появилась неожиданно. Народ засуетился, занервничал, перепроверил паспорта, распахнул чемоданы и высыпался на перрон.

У входа в вагон стояла проводница в форме, механически отвечая:

— Пожалуйста. До свидания. Пожалуйста. До свидания.

Зоник тоже стоял рядом, словно при исполнении. Дождавшись своего спутника, он в очередной раз жадно посмотрел на Галину Семеновну и сказал:

— Ну, я пашол, даа?

— Ну иди, дорогой, — благословила она его по-домашнему.

Выгрезившиеся в этот момент из вагона девочки тоже приостановились попрощаться. Точ-

Татьяна Булатова

нее, остановилась Люся. Валентина же, увидев Зоника, замерла и томно на него уставилась. Предатель не подавал виду, только его товарищ, так бездарно проведший ночь рядом с пышнотелой красавицей, хрипло заклекотал:

— А, карасавица, давай, да.

Зоник бросил суровый взгляд, и небольшая по объему кепка умолкла.

— До свидания, — сказала Петрова строгой Галичке и нагнулась за чемоданом.

— До свидания, девочка, — щедро улыбаясь, ответила довольная проводница, и Люся медленно побрела за Валентиной, устремившейся по прямой к вокзалу.

— Стой, — услышала за собой Петрова и обернулась.

— Хорошая ты девка! Удачи тебе. С богом!

— Спасибо, — тихо ответила Люся и опустила голову, чтобы не расплакаться.

Позже Петрова, рассказывая о своей юности, неоднократно вспоминала прощание с Галиной Семеновной Суконь на одесском вокзале:

— Вот как она мне удачи пожелала, можно сказать благословила, так у меня все и сложилось! В институт поступила, работу нашла...

— Ага, и занимаюсь ею всю свою удачную жизнь, — добавляла не без сарказма младшая подруга.

— Я считаю, что это большая удача, — мужественно отбивалась Люся. — Ты зря иронизируешь.

— Я не иронизирую, я удивляюсь.

— Чему?

— Непростительному в вашем возрасте романтизму.

Тут Петрова поправляла очки, укоризненно смотрела в глаза подруге и начинала объяснять:

— Мне было семнадцать лет. Я уехала из дома, чтобы изменить свою жизнь. Мне не на кого было рассчитывать, меня никто не поддерживал, я была абсолютно одинока, не верила в себя и нуждалась в сочувствии ...

— И тут бог послал вам волшебного помощника в железнодорожной форме?

— Думай что хочешь, — кипятилась Люся, наотрез отказывающаяся снимать со своего личного иконостаса образ Галины Семеновны Суконь.

Между тем информация о том, что в Одессе Петровой не на кого было рассчитывать, была несколько преувеличена. В городе акаций проживала Валина тетка, с которой договорились, что она приютит девочек на время сдачи экзаменов. В существовании тетки можно было не сомневаться. Факт ее присутствия в славном приморском городе подтверждался обратным адресом на конверте со штемпелем одесского почтового отделения...

— Валь, ты адрес уточнила?

— Зачем? Я и так помню.

— Что ты помнишь? Ты же в Одессе ни разу не была!